

Ольга Шлихт

ЛЕТО
ПРОШЛО

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Ш69

Дизайн обложки и иллюстрация на обложке:
Юлия Межова

Шлихт, Ольга Владимировна.

Ш69 Лето прошло: сборник / Ольга Шлихт. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 412, [2] с. — (Люди, которые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-151504-1

Если вы любите вопросы и не любите однозначные ответы, то эта книга для вас.

Кто все эти люди, нужно их — жалеть, любить, ненавидеть, понимать?

Писатель, который, возможно, и не писатель вовсе, поскольку у него нет читателей. А нет их не потому ли, что он недолголюбивает людей как таковых?

Старик, глубоко привязанный к умирающей жене и отпавляющийся в ночь на поиски плотских утех.

Молодая мать, для которой главное — дочь. Или работа?

Богатая домохозяйка, уверенная в готовящемся на нее покушении. Сумасшедшая или провидица?

А как насчет вечной любви, компромиссов и светлого будущего?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-151504-1

© Ольга Шлихт, текст, 2022
© Юлия Межова, обл., 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то давным-давно легендарный учитель русского и литературы Адольф Александрович Тиханов попросил нас, глупых школьников, подумать дома, почему «Школа» Гайдара называется именно так, коли речь там идет о Гражданской войне. Правильный ответ мне подсказала бабушка, бывшая учительница. «Это на самом деле школа жизни». Адольф Александрович был приятно удивлен, а мне до сих пор стыдно за незаслуженный триумф. Но, возможно, именно тогда во мне начало рождаться понимание того, что за литературными образами стоят идеи, а их разгадка — волшебство.

Паскаль Киньяр в своей «Тайной жизни» сравнивает контакт пишущего и читающего с отношениями любовников: «Читать и любить — это познания, ниспровергающие знание; это бунт против того, что полагается делать или думать».

Но как человек, любящий разгадывать литературные загадки, сам начинает их задавать? Никто не знает наверняка. У меня потребность писать возникла в том числе как компенсация потерянной профессии: я изучала литературу Японии в Институте стран Азии и

Африки МГУ и защитила диссертацию на тему «Женская литература Японии» в Университете Гумбольдта в Берлине.

Главное же, конечно, не это. Тот же Киньяр пишет: «Писатель — это человек, который беспрестанно желает отделиться от тьмы, которому никогда не удастся выйти из тьмы».

Насколько убедительна моя попытка выйти из тьмы, судить читателю.

БРЕД

Утром на улице возле частной школы, расположенной на двух этажах сталинского дома, стояли директриса (коротенькая, толстая, рыжеволосая) и миловидная женщина в лакированном пальто и лакированной кепке, с шанелевской сумкой на локте, мать кого-то из школьников, телеведущая. Директриса жаловалась на бомжей:

— Облюбовали подвал рядом с моим подъездом. И уж в ДЭЗ сколько раз звонили, все без толку. Грязные, вонючие. Ведь это же не люди. Усыпить бы их, что ли. Всем было бы лучше, и им в том числе.

Лакированная кепка кивала.

Вдалеке промелькнула фигура в длинной юбке и платке. Директриса показала рукой и глазами в ее сторону:

— Вон видите ту «монашенку»? Вы знаете, кто ее племянник? Он нашу школу лет восемь тому назад окончил. Она его к нам водила. Класса до третьего. А потом он сам, своим ходом. Так вот, он был жителем актрисы, которая еще при Сталине... которая год назад умерла. То есть, конечно, когда уже кончил школу, когда был в институте. О них много писали.

История... с душком. Он после ее смерти куда-то сгинул. Сейчас уже как-то подзабылось, но на днях — вы, может быть, видели — был большой документальный фильм о ней, в честь юбилея, и о последних годах, о последней, прости господи, любви. Хотя показали их достойно, трогательно. Там такая фраза была: «Разминулись в веках». Я даже прослезилась.

— Да-да, фильм я посмотрела. Честно говоря, ничего нового. Все давным-давно написано, переговорено. У нас-то уже шушукались, когда она в первом сериале снималась, когда еще никто ничего не знал. Что вы хотите — на телевидении все обо всех известно. А то, что он здесь учился, мне мама одной девочки из нашего класса рассказала. Он тут у вас знаменитость. Знаете, бывает всякое, но это уже извращение. Такая разница в возрасте!

— Именно. И знаете, что я вам скажу: не на пустом месте! Конечно, в частной школе всегда много проблемных детей. Для того мы и существуем, чтобы помогать, вытягивать. Но этот... Где-то до восьмого класса еще доковылял кое-как. Но соображал очень туго. К математике и физике просто был не способен. Это и не страшно, есть же природные гуманитарии. Но он и по литературе, по истории... Казалось бы — задали главу, так выучи, и все, а он приходит и говорит: «Не понял». «А это почему?» «А этот почему так сказал, а сделал эдак?» Учительница по русскому и литературе вечно жаловалась. Психика у него точно была не в порядке. Или отключится и молчит, ничего не видит и не слышит. Или вот: тетя эта в длинной юбке его же в церковь водила, приобщала к религии. А у нас, как начались основы православия... Правда, позже, когда тетя уже исчезла. Говорят, мать к ней сына ревновала. Но ведь не может же все так сразу

улетучиться? Вместе с тетей? Так он на все вопросы по религии просто не отвечал. Молчал, и все. Как вам это? Ну а в восьмом совсем свихнулся, и пошло-поехало. Мы его просто спасли на выпускных.

— Но нельзя же откровенно больного ребенка держать вместе с нормальными?

Директрисе слышится упрек.

— Ну, я, конечно, немного утрирую. Все-таки сначала он переходил из класса в класс даже с четверками. У нас индивидуальный подход, помогали, шли навстречу. И потом, он был тихий, на физкультуре больше на лавочке сидел. Мать справку приносила, о диспансеризации, что все в порядке. Родители, кстати, приличные люди. У отца небольшая фирма, мать там же бухгалтер.

— Ну, знаете, справку ведь купить можно. А родители, скорее всего, сами виноваты. Не смогли нормально воспитать. Так ведь с ним еще что-то серьезное в старших классах приключилось? Мне сын рассказывал, что об этом легенды ходят. Что-то там с Че Геварой...

— Да ничего там не было! Ох, извините, звонок! Всего вам хорошего.

Директриса исчезает за железной дверью школы, а лакированная телеведущая направляется к «ауди». Она работает на телевизионной периферии, на экране возникает случайно и исчезает быстро, подчиняясь нервической игре зрителей с пультом. Начинала еще при социализме и до сих пор говорит по старинке: медленно и скучновато. Недавно приняла участие в ток-шоу центрального канала. Тема — провинциальные школьники убили одноклассника. Ей один раз дали слово: «Я своему сыну всегда говорю: „Не влезай ни в какие истории. Можешь испортить карьеру на всю

жизнь“». Работать ей не обязательно. У телеведущей хороший муж. Бывший кэгебист, в начале девяностых участвовал в приватизации особняков в центре Москвы. Очень любит жену и сына.

О том, какое отношение Че Гевара имеет к частной школе, занимающей два этажа сталинской многоэтажки, и к молодому человеку, главному действующему лицу истории с душком, закончившейся год назад в связи со смертью второго участника и всплывшей в недавнем документальном фильме, рассказывает в банковской курилке солидный господин двадцати пяти лет от роду, в очках с позолоченной полуоправой:

— Я ж говорю, я с ним учился и начало этой хрени наблюдал. Детские годы, так сказать, телезвезды. Три придурка — два парня и одна девка — решили в революцию поиграть. Двое, парень и девица, из нашего класса, из восьмого. А заводила из девятого. Он с предками за границей долго жил, в Англии. Там ходил в местную школу. Набрался левацкого бреда, научился травку курить. Ну а вернулись сюда, у родителей денег не хватило на супер-пупер, устроили сыночка в нашу школу. Какая-никакая, а все-таки частная. А сыночек возьми да и сколоти растаманскую шайку. Да нет, нет, речь не о нем, сейчас до главного доберусь. До сих пор удивляюсь, как наши училки сразу не доперли, что эти шапки бобмарлийские значат. Сначала они просто дурака валяли, приходили веселые, обкуренные, давали нам журнальчики какие-то читать. Сказки про зеленую мышь, про Будду Джа. Боба Марли слушали. Учиться перестали. А потом стали с капитализмом бороться. Нацепили майки с Че Геварой, граффити всякие на стенах домов рисовали. Fuck Nazis. У дорогих иномарок шины резали. И дореза-

лись. Тут милиция их и сцапала. Во был скандал! Еле замяли. Родителям пришлось раскошелиться. Главаря в клинику Маршака засадили. И раскидали их по разным школам. Ничего, к выпускным все трое худо-бедно оправились, кое-как сдали, всех в платные вузы запихнули. Девка сейчас замужем, в Бельгии живет. Но там ведь и четвертый был! Тот самый, тот самый долбанутый. Вокруг которого весь сыр-бор. Тоже из нашего класса. Он к ним, типа, примазался. А им для массовости и такой сгодился. Вот это был фрукт! Настоящий псих, без шуток. Все молчит, молчит, никогда не поймешь, что у него в голове. А потом как ляпнет чего-нибудь, хоть стой, хоть падай. Один раз спросил: «А почему фашистов можно убивать, а старуху процентщицу нет?» Училка так и остолбенела. Сказать-то нечего. Мы прямо со смеху чуть со стульев не попадали. Но он-то серьезно спросил. Вот в чем главный прикол. Или еще... На истории. «А Сталин любил Россию?» Он этой своей оторванностью нашим чегеваровцам и понравился. А с другой стороны, они его дураковатости боялись. Что он чего-нибудь такое учудит, убьет еще кого. По крайней мере, шины резать с собой не брали. Насчет травки не могу сказать. А футболку с Че Геварой он носил. Ну, и когда их повязали, он в стороне остался, его особо не прорабатывали и из школы не выгнали. Может, поняли: псих он и есть псих. Мы его потом немного дразнили. Спросишь: «Ну, когда мировая революция?» А он набычится, покраснеет, кулаки сожмет. Даже страшновато было. Он довольно худой был, но жилистый. Лицо лошадиное. Травить его никогда не травили. Он же нас смешил. Можно даже сказать, хорошо к нему относились. В последних классах он особенно чудно выглядел: всегда в костюме, белой рубашке. Это

мать его к институту готовила. И устроила куда-то на вечернее платное. Мы о нем часто вспоминали. В «Одноклассниках» о нем анекдоты курсировали. На самом деле никакие не анекдоты. Ну, чудик и чудик. И вдруг пронеслось: кто-то видел, кто-то кому-то рассказал. Что видели его по телевизору. С мумией этой. Вот этого точно никто не ожидал! Бред какой-то! И я однажды по телику увидел. Стоит, кретин, улыбается глупо. И рядом эта... кукла. Труп покрашенный. И тут он мне стал противен. Ничего смешного, просто мерзко до тошноты. Крыса. Давить таких надо. Лично я никаких фильмов про него и про его покойницу смотреть не собираюсь. Ах, любовь, ах, любовь! Да он педик или, как это... некроман!

Начинающий банкир крайне раздражен. Его мать, статная черноволосая женщина, отличная хозяйка и жена, на днях сказала ему осторожно, но веско: «Пора бы тебе жениться на Лилечке. Сколько можно ей голову морочить. И что тебе еще нужно? Красивая, чистоплотная, добрая. Чистая — такими только еврейские девушки бывают. Уж сколько лет вместе». Что возразить? Но как тогда быть с начальницей кредитного отдела, явно положившей на него глаз? С первой — чудесной, хозяйственной, трудолюбивой, принятой мамой институтской любовью — ему уже скучно, а со второй — тридцатидвухлетней «не красавицей, но умницей» — неловко. А еще он злится на себя за то, что сдался и закурил. Он хочет жить очень долго и не выглядеть быдлом.

Тетя бывшего соученика банкира, интеллигентная старуха в платке и длинной юбке, делится своей оценкой того, что в банковской курилке названо бредовой историей, совсем в другом месте и только с теми, кто

близок ей по духу. Это люди достойные, некурящие и непьющие, ненавидящие банкиров и политиков. Им она откровенно и с удовольствием выкладывает то, что думает о своем племяннике:

— Фильм этот новый я, конечно, не смотрела. Не интересны мне ни актриса эта, блудница престарелая, ни совращенный ею грешник. В последние годы он мне только звонил. А раньше, когда учился в школе, то и навещал иногда. Тайком от матери. Но, если честно, для меня он уже был отрезанный ломоть. Разговаривать нам было не о чем. Для него мои темы — запретные. Все боялся маму расстроить. «Я обещал, мама не велела». А начало было хорошее. Я ведь его знаю с рождения, а с пяти до восьми лет была его, в сущности, няней. Одна бабушка работала, вторая жила в другом городе, вот меня брат и попросил посидеть с сыном, благо я только что вышла на пенсию. А мать преподавала и во внерабочее время писала диссертацию. Представьте себе, о немецком идеализме. Я, конечно, боялась, справлюсь ли. Все-таки без опыта. Но мы быстро нашли общий язык. Некоторые говорят, что он и тогда был со странностями. Но я ничего такого не замечала. Он прямо впитывал все, что я говорю. И внешне был даже хорошенький. Плотненький такой, глаза черные, внимательные. Потом, уже в школе, похудел и сейчас похож на Пастернака. Я очень старалась. Читать, писать его научила. Он так интересовался, так тянулся... к высокому. И я ему ничего не навязывала. Это мать вообразила невесть что. Но я действительно полагаю, что главное — привить ребенку духовность. Я ведь уже тогда шла к Богу, только не сразу отыскала дорогу. О том, что не в деньгах счастье, говорила. Что хвастаться нельзя, гордиться, хотеть слишком много, похвалы ждать. Он

у меня ночевал часто. И до школы, и потом. Я ведь в соседнем доме со школой живу, а они тоже недалеко, но подальше. Когда он в первый класс пошел, как раз одна бесовская власть сменила другую бесовскую. А мне Господь явился. Подруга взяла с собой на службу в одну далекую церквушку. Часа три ехали. На электричке, потом на автобусе. И как увидела я батюшку, как услышала про царство Сатаны — все сразу поняла, и так легко мне стало, так радостно. Батюшка мне потом на многое глаза открыл. И на сатанинское число в паспорте, и на браки с иностранцами — что геноцид это русского народа. Теперь там, к сожалению, другой священник. Что вы хотите — и в церкви наверху не все благополучно. Так дошли мы до второго класса, и тут мать воспротивилась: все, она мне ребенка портит, таскает за город непонятно куда, от него уже ладаном пахнет! И кончилось мое воспитательство. Теперь меня и брат родной знать не знает. Да и мне они чужие, все трое, потому что без Бога в душе. А что касается истории этой чудовищной, так, если задуматься, она тоже от этого — от безбожия. Что вы хотите — жена у брата еврейка. Сами понимаете. Кстати, был ведь раньше какой-то скандал, в школе. С наркотиками! Мне племянничек что-то пытался объяснить, но я сказала, что слушать про эту мерзость богопротивную не желаю.

Мать человека, похожего на Пастернака, — брюнетка, как и мать банкира, но, в отличие от нее, о женитьбе своего сына даже не помышляет. Каждую субботу она собирает темно-синюю лонгчемповскую сумку. В нее плотно укладываются-устанавливаются банка яблочного пюре со сливками, три бутерброда с красной рыбой, коробка шоколадных

конфет, восемь стаканчиков йогурта, пластмассовый контейнер с куриными котлетками (из готового фарша, поскольку эта мать не любит готовить) и картофельным пюре, два пакета сока, еще несколько вкусных мелочей и обязательно — пакетик чернослива для лучшего пищеварения. Да, не забыть три книжки. И виноград. Можно было бы воспользоваться обычными пакетами, но с синей недешевой сумкой удобнее притворяться: все не так уж плохо, справляемся, живем.

Женщина собирает сумку и думает: «Если бы мы тогда не пошли в гости, ничего бы не случилось. Могли отказаться, что-то придумать». И вспоминает все до мелочей: вот в этот момент надо было отвлечь, вот в этот — увести.

Полтора года тому назад ей позвонила подруга-однокурсница и пригласила в ресторан на бранч. Подруга вместе с мужем-издателем время от времени собирала полуделовые, полудружеские встречи. Рядом могли оказаться гаишник, рекламщик и хирург. «Приходите втроем». Народу ожидалось мало, все люди знакомые, спокойные, не будут приставать к сыну с глупыми вопросами и пугаться его ответов. Привлекала и главная приманка — актриса, та самая, которая сидела при Сталине якобы за то, что отказалась переспать с Берией. В последние годы о ней вдруг заговорили, стали показывать, снимать. Ее воспоминания собирался издавать муж подруги. Что скрывать — хотелось пойти именно для того, чтобы увидеть живую реликвию, звезду, как ни крути. Понять, так ли молодо выглядит при ближайшем рассмотрении, как на телеэкране. К тому же старые глаза не рассмотрят сына, а старые уши его не расслышат.

А ему полезно выходить в свет. Надо, надо заставлять. Он, конечно, заартачится, но потом согласится.

Собрав сумку, женщина идет к выходу. Не смотрит на дверь, за которой спит муж. Его не касаются ни сборы, ни воспоминания. Пускай высыпается. Женщина не обижается. Мужчины слабее женщин. Им лучше не вспоминать, не мучиться. Они должны работать, зарабатывать для тех, кто... еще слабее.

Когда они тогда пришли в ресторан, показалось, что все обойдется. Сын со всеми вежливо поздоровался, улыбнулся приветливо. Она чувствовала напряжение мужа. Кто-то спросил: «Как институт?» Сын ответил: «Институт брака обнаружил свою несостоятельность». Получилась шутка, все с готовностью засмеялись. Конечно, от него отводили глаза. Ну и что? Так оставляют в покое любого молчаливого человека. А с институтом она хорошо придумала. Устроила довольно легко, в педагогический на заочный, за небольшие деньги. Курсовые напишут нанятые люди. Подумаешь! Главное — корочки. Помаленечку образуются. Школу-то он все же кончил. Несмотря на нелепую историю с Че Геварой, несмотря на многое. И работу она ему подыщет. Английский у него хорошо идет. Память великолепная, все преподаватели отмечают. Ходячий словарь. В каком-нибудь переводческом бюро ему цены не будет. Где не надо принимать решения, рисковать, а просто переводить и получать удовольствие. Надо только чуть-чуть над ним поработать, нацелить на технический перевод. Увлекся в последнее время переводом современных песен. Она и не знала, что есть такая группа — «Нирвана». То есть была. Или — Патти Смит. Она интересовалась всем,

что он делает, и теперь знает и «Нирвану», и многое другое. Он помещал переводы в Интернете и показывал ей восторженные отклики. Но на одном восторге не проживешь.

Она знает, что выглядит достойно в своем хорошем клетчатом пальто и с темно-синей сумкой в руке. Выйдя из подъезда в серое ноябрьское предзимье, еще больше выпрямляет и без того прямую спину. В машину садится ловко, умело перенеся вес тела сначала на левую ногу, а потом на правую, стоящую в салоне. Согнувшись ровно настолько, чтобы не удариться головой. Гордое достоинство — не маска, а жизненная позиция. Даже не в смысле принципов. Тут другое — если нет достоинства, жизнь ничего не стоит.

Женщина поворачивает на широкую дорогу, опоясывающую город, выбирает средний ряд и едет в плотном, несмотря на выходной день, потоке. Почему это случилось со мной, почему с моим сыном?

Актриса пришла последней, когда все по несколько раз сходили к столам за закусками и горячим, поданным в стальных емкостях, и готовились заняться десертом, чуть разочарованно обсуждая отсутствие звезды. Позже женщина хмуро восхитилась срежиссированностью опоздания. Но в первый момент, как и все, оторопела. Через зал шла тонкая невысокая блондинка в васильковом шелковом платье, открывавшем колени. Странно раскачивалась из стороны в сторону. Эротично? Потом стало понятно — проблемы с тазобедренными суставами. За блондинкой подобострастно поспешал метрдотель. Все за столиками поворачивались, смотрели во все глаза. На стул опустилась элегантно, ловко. Улыбнувшись, окинула